

ОЦЕНОЧНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В РЕЧИ ПЕРСОНАЖЕЙ «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

В.С. Савельев

Одним из основных источников сведений о жизни древнерусского человека и его представлений об окружающем мире является знаменитая летопись начала XII века «Повесть временных лет» (далее – ПВЛ¹). Сведения эти в повести содержатся в речи различной субъектной принадлежности: это голос самого летописца, его персонажей, участвующих в разнообразных коммуникативных событиях и по-разному оценивающих окружающую их действительность, как предметную, так и коммуникативную.

В рамках данной статьи мы ограничимся описанием существительных, оценочная информация в которых представлена имплицитно.

Используя предметную лексику, летописец устами своих героев категоризирует действительность, его окружающую. Анализируя **изосемичные** и **неизосемичные существительные**², называющие предметы в широком смысле слова и социальные состояния, мы узнаем, что было и чего не было во времена создания ПВЛ. Необходимо заметить, что выбор объектов описания (или хотя бы перечисления) сам по себе есть оценка: что именно интересно, важно для автора ПВЛ и его персонажей?

Произносимые персонажами ПВЛ упомянутые **существительные** можно разделить на следующие группы:

1) человек и его социальные функции:

– термины родства и возраста: *сын, внук, жена* (женщина), *дева / жена* (незамужняя / замужняя женщина), *дщерь, дети, дед, чадо, отрок, девица*,

– мирские: *человек, князь, муж, цесарь, дружина, гость, люди, сторож, вои, челядь, колодник, лапотник, враг, разбойник, отместник, убийца, противные, смерд, кмети, ворог, мертвец, свидетель, помощник, посол, гость*,

– религиозные: *хрестьяне, учитель, папеш, владыка, единоверник, еретик, противник, апостол, мученик, черноризец, игумен, волхв, поганые*,

– имена собственные: *Андрей, Кий, Щек, Хорив, Олег, Игорь* и др.;

2) **части тела, их функции**: *глава, лицо, руки, уды, рот, пояс* (поясница), *брада, тело, очи, чрево, кровь, кость, жила, взор, зрак* (зрение);

3) **части тела как способ классификации и описания мира**: *голова* (мера счета), *сердце* (орган чувств и «мудрости»), *голова* (жизнь), *рука* (руководство), *живот* (жизнь), *глазок* (шарик);

4) **естественные языки и явления, связанные с ними, названия речевых жанров**: *книги, слова, языки, словеса, укор, мольба, клич, наказание* (наставление), *говор, греческий язык, латинский язык, словенский язык* и др.;

5) **внутренний мир человека, категории жизни человека**: *разум, смерть, смысл* (способность проявлять разум в действии), *мысль* (способность планировать, рождать замысел действия), *сила* (способность к совершению поступков, действенность), *ум, душа*;

6) **термины мироустройства, отношений между людьми, социальные состояния**³: *право, любовь, мир, война, род, голод, закон, приязнь, друг, полон, власть, похоть, совокупление, держава* (сила, могущество), *детство, старость, корм* (прокорм), *распри, преданье* (уклад, устоявшийся способ организации жизни), *устав* (закон), *чин* (порядок, правильное устройство);

7) социально-значимые действия, социальные институты:

¹ Поскольку для целей данного исследования точное воспроизведение графики, орфографии и пунктуации ПВЛ по соответствующим спискам несущественно, графика и орфография примеров упрощены, произведена разбивка текста на предложения, пунктуационные знаки используются в соответствии с современными нормами. В скобках после примера указывается год, под которым помещен цитируемый фрагмент. Цитаты даются по изданию: «Библиотека литературы Древней Руси. Том 1» (СПб., 2000).

² Изосемичными называются такие слова, частеречная принадлежность которых соответствует их категориальному значению. Так, имена существительные обладают такими грамматическими признаками, которые свидетельствуют об их «предназначении» называть предметы, существующие во внеязыковой действительности или в сознании говорящего: формы числа позволяют сосчитать предметы, падежные формы – определить роль предмета в описываемой ситуации (субъект, объект, инструмент и т.д.), категория рода – в основе своей номинативная – указать пол живого предмета. Неизосемичные существительные, называющие признаки, оказываются нужными для того, чтобы в синтаксической структуре описываемый признак занял позицию субъекта (объекта, инструмента и т.д.): в этом случае он мыслится как предмет и сам наделяется каким-либо признаком. Например, князь Ярослав, обращаясь к своему сыну Всеволоду, говорит: «Сыну мой! Благо тебе, яко слышу о тебе кротость, и радуюся, яко ты покоиши старость мою» (6601) – Ярослав слышал о кротости своего сына, т.е. о том, что его сын кроток; если бы в произнесенном Ярославом предложении использовалось прилагательное, то оно из простого (*слышу о тебе кротость*) превратилось бы в сложное (**слышу, что ты кроткий*). Таким образом, употребление неизосемичных существительных прежде всего служит целям компрессии текста, повышению степени его информативности.

³ Многие из приводимых здесь и далее лексем в равной степени могут быть отнесены к словам, воплощающим представления и о мирской, и о духовной жизни.

– мирские: *рота* (клятва), *дань*, *ряд* (договор), *честь*, *осада*, *весть*, *дары* (процесс дарения), *имение* (совокупность принадлежащего человеку), *брань*, *откуп*, *жребий*, *блуд*, *клятва*, *казнь*, *милование*, *испытание*, *вира*, *вече*, *кормля*, *стол*, *страсть* (мучение), *власть*, *борьба* (поединок, который проводится без оружия), *труд* (совершение действий, требующих приложения усилий), *обида*, *дума* (вече), *поряд* (договор), *снем* (совет),

– религиозные: *трызна*, *молитва*, *видение*, *треба*, *пощение*, *служба*, *крещение*, *покаяние*, *спасение*, *благословение*, *именины*, *святок* (праздник), *церковь*, *монастырь*; представления о христианском мироустройстве: *сей свет*, *другой свет*, *огонь вечный*, *Бог*, *Христос*, *бесы*, *антихрист*;

8) **пространственные и временные понятия, меры**: *страна* (сторона), *утро*, *лета*, *месяц*, *субота*, *начало*, *конец*, *восток*, *часть*, *гривна*, *куны*, *горсть*, *вечер*, *высота*, *время*, *весна*, *множество*;

9) **явления природы, объекты естественного мира**: *молния*, *небеса*, *земля*, *море*, *глубина* (дно), *река*, *лес*, *порози*, *древо*, *звезды*, *солнце*, *луна*, *берег*, *горы*, *река*, *лука*, *пропасть*, *снег*, *туча*,

– имена собственные: *река Днепр*, *гора Щековица* и др.;

10) **животные, в том числе домашние**: *голубь*, *воробей*, *овцы*, *волк*, *хвост*, *вол*, *вран*, *змея*, *гад*, *лошадь*, *кобыла*, *веверица*;

11) **объекты естественного мира, используемые человеком в качестве материала для получения или изготовления еды, разного рода изделий**: *нивы*, *скора* (мех), *воск*, *уснь* (кожа), *виноград* (сад), *железо*, *роля* (пахота), *гумно*;

12) **материалы**: *парусы*, *паволоки*, *вехть* (ветошь), *злато*, *серебро*;

13) **еда и питье**: *брашно* (еда), *меды*, *вино*, *овощи*, *свинина*, *питье*, *заячина*, *хлебы*, *рыбы*, *квасы*, *овес*, *пшеница*, *отруб*, *обилье* (урожай), *гобино* (урожай), *жито*;

14) **артефакты**:

– инструменты: *секыра*, *нож*, *треска*,

– оружие: *оружье*, *меч*, *стрела*,

– одежда и обувь:

– мирская: *порты*, *сапоги*, *сорочица*,

– религиозная: *ризы*,

– музыкальные инструменты: *сопели*, *бубны*, *гусли*,

– транспорт и дороги: *корабль*, *возы*, *лодья*, *товары* (обоз с товарами), *путь*, *мост*,

– другое: *гроб*, *бочки*, *ковер*;

15) **способы пространственной организации социума**:

– страны, земли (и народы, населяющие их): *отчина*, *Земля Словенская*, *Русь*, *Греки*, *Козары*, *Евреи*, *Греки*, *Латины* и др.,

– селения и их инфраструктура:

– мирские: *горада*, *село*, *кладезь*, *труба*, *ров*, *столние* (ограда),

– религиозные: *монастырь*, *било* (колокол),

– имена собственные: *Селунь*, *Киев* и др.,

– строения и их части:

– мирские: *дом*, *хором* (дом), *мовница*, *сени*, *погреб*, *оконце*,

– религиозные: *церковь*, *крилос*, *храмина*, *ропата* (мечеть), *престол*, *келья*, *печера* (пещера)⁴.

Таким образом, в своих речах персонажи летописи проявляют интерес к человеку и той «системе координат», в которой проходит его бытие – мирское и духовное. При этом даже объективно данные предметы и явления внеязыковой действительности летописец устами своих героев располагает на определенной оценочной шкале. Многие из существительных образуют оценочные пары, которые обнаруживаются в разных лексико-грамматических разрядах.

Так, большинство противопоставлений связано с реализацией концепта древнерусского сознания, которое делит мир на «свой» и «чужой». Персонажам «своего» мира, выполняющим определенные социальные функции (*князь*, *муж*, *цесарь*, *дружина*, *люди*, *сторож*, *вои*, *челядь* и др.), противопоставляются те, кто этот мир разрушает (*враг*, *разбойник*, *отместник*, *убийца*, *противные*).

Характерно, что, например, *воин* и *убийца* занимаются одним «делом» – лишают жизни, однако оценка их поступков принципиально различна: *воин* защищает мир «своих», *убийца* же на этот мир «нападает» (*И ркоша вои: «Идеже глава твоя ляжетъ, ту и главы наша сложимъ»* (6479) – именно воины способны проявить такое благородство, *Ольга съ сыномъ Святославомъ събра вои многы и храбры, и иде на Деревьскую землю* (6454) – именно воины могут быть храбрыми // *Ярославъ <...> помолився рекъ: «Брата мои! Аще есте отсюду тѣломъ отошла, то молитвою своєю помозита ми на противнаго сего убийцю гордаго»* (6527) – убийца может оцениваться только отрицательно)⁵.

Также и в христианской жизни есть «свои» (*хрестьяне*, *учитель*, *владыка*, *единоверник*, *апостол*, *мученик*, *черноризец*, *игумен*) и «чужие» (*поганые*, *еретик*, *противник*, *волхв*), и отношение к ним

⁴ В рамках данной статьи не рассматриваются функционирующие в речи персонажей существительные, основная функция которых состоит не в назывании предмета или социального состояния, а в выражении оценки, то есть таких, как *правда* и *лжа*, *добро* и *горе*, *веселье* и *печаль* и др.

⁵ «Чужими» также оказываются *гости* («свои» купцы гостями не называются), однако они безвредны, несмотря на их чуждость.

различается⁶. Так, судя по ПВЛ, участь волхвов незавидна: в ином мире их не ждет спасение, земной же жизни их чаще всего лишают власть предержавшие (*Слышавъ же Ярославъ вълхвы ты, и приде къ Суждалю; изыма волхвы, расточи, а другия показни, рекъ сице: «Богъ наводитъ по грѣхомъ на кою землю гладомъ, или моромъ, или ведромъ, или иною казнью, а человекъ нѣ вѣсть ничтоже»* (6532); *Приде волхвъ, прильщенъ бѣсомъ <...> егоже невегласни послушахуть, а вѣрнии насмѣхася, глаголюще ему: «Бѣсъ тобою играетъ на пагубу тобѣ». Еже и бысть ему: въ едину бо ноць бысть безъ вѣсти* (6579). Однако волхва нельзя назвать мучеником (...Ихъже ученьемъ побѣждаемъ противнаго врага, попирающе подъ нозѣ; якоже попраста и сия отъченика, и примѣша вѣнѣць небесный съ святыми мученики и съ праведными (6491) – мучеником признается варяг, принявший смерть за христианскую веру), так как волхв – враг, принимающий справедливую казнь за свое заблуждение.

Есть противопоставления и среди животных: волк, враждебное человеку животное, олицетворяет опасность, а овцы, страдающие от волков, служат символом жертвенности (*Слышавие же Древяне, яко опять идетъ, съдумавие Древяне съ княземъ своимъ Маломъ и ркоша: «Аще ся въводитъ волкъ въ овцѣ, то относитъ по единой все стадо, аще не убьютъ его. Тако и сий: аще не убьемъ его, то вси ны погубить»* (6453).

В оппозиции находятся небеса и бездна как обиталища Бога и бесов (Янь спрашивает кудесников, где обитает их «бог». *Она же рекоста: «Сѣдитъ въ безднѣ». И рече има Янь: «То кий есть Богъ, сѣдя въ безднѣ? То есть бѣсъ, а Богъ есть сѣдя на небесѣхъ и на престолѣ...»* (6579) – именно место обитания помогает разоблачить мнимого «бога» кудесников – Антихриста).

Некоторые слова выражают значения, противопоставленные по нескольким признакам. Так, казнь являет собой действие, осуществляемое властями по отношению к преступникам. Казнь – это справедливое возмездие за совершенный проступок. Если же проступок оказывается мнимым, то следует оправдание – *милование* (*Рече епископъ Володимиру: «...Ты поставленъ еси отъ Бога на казнь злымъ, а на милование добрымъ; достоятъ ти казнити разбойника, нѣ съ испытаниемъ»* (6504). Таким образом, князь исполняет функцию, принадлежащую Господу Богу, – осуществлять справедливое правосудие, воздавая человеку за его грехи (*Слышавъ же Ярославъ вълхвы ты, и приде къ Суждалю; изыма волхвы, расточи, а другия показни, рекъ сице: «Богъ наводитъ по грѣхомъ на кою землю гладомъ, или моромъ, или ведромъ, или иною казнью, а человекъ нѣ вѣсть ничтоже»* (6532). В то же время казнь принимает и Бог, и она именуется *страстью*, поскольку оказывается несправедливой, но исполненной глубокого смысла (*Рече же Володимиръ: «Что ради сниде Богъ на землю, и страсть таку приять?»* (6494). Неслучайно Борисъ и Глѣбъ называются *страстотерпцами*, и их смерть оценивается как подвиг. Таким образом, казнь противопоставляется *милованию* (наказание / его отсутствие) и *страсти* (справедливое наказание / несправедливое наказание).

В некоторых случаях существительные, называющие неживые предметы, становятся мерилем для определения «ценности» человека и его поступков; так, например, происходит с драгоценными металлами: *И ркоша ему бояре: «Посли к нему дары, искусимъ и, любезнивъ ли есть злату или паволокамъ?»* – равнодушное отношение Святослава к принесенным дарам и его радость при виде оружия заставили греческих бояр прийти к выводу: *«Лютъ сѣй мужъ хоцетъ быти, яко имѣния небрежетъ, а оружье емлетъ; имися по дань»* (6479). Здесь, кстати, важно обратить внимание на то, в какие перечислительные ряды попадают называемые предметы: *злато, серебро* оказываются сопоставимыми с *паволоками, медом, скорою, челядью*⁷, то есть «материалами» необходимыми, полезными для человека. Именно они представляют собой ценность, к обладанию которой стремятся многие: *Ркоша же дружина Игорева: «Да аще сице глаголетъ царь, то что хоцемъ боле того, не бившися имати злато, и серебро, и паволоки. Еда кто вѣсть, кто одолѣеть, мы ли, они ли? Или с моремъ кто свѣтень?»* (6452) – мерой человеческих желаний оказываются *серебро* и *злато*. Поэтому, в частности, в летописи оказывается возможным противопоставить паруса *паволочитые* и *кропийные* – дорогие и обычные. Таким образом, особенности «бытования» материала или артефакта в человеческой повседневной жизни могут превратить его в некий эталон, соответствие которому служит основой определения ценности других материалов, или артефактов, или событий, или человека и его природы. Так, Владимир мудро определяет, что дружина ценнее золота и серебра: *«...И се слышавъ Володимиръ, повелѣ исковати лжици сребряны ясти дружинѣ, рекъ сице яко: «Сребромъ и златомъ не имамъ налѣсти дружины, а дружиною налѣзу сребро и злато, яко дѣдъ мой и отецъ мой доискася дружиною злата и сребра»* (6504). В возможности такого сравнения заложена презумпция: основой для сопоставления явлений внеязыковой действительности (как сенсорно постигаемой, так и ментальной) сознанию древнерусского книжника служат те же категории, что и для современного человека.

***

⁶ Особое положение занимает *панеж*, который в разных ситуациях является то «чужим», то «своим»: с одной стороны, Владимир отвергает веру, излагаемую присланными *панежомъ немцами отъ Рима*, а с другой стороны, именно *панеж* защищает славянскую грамоту от ее хулителей и его мнение считает необходимым привести летописец – мнение авторитетное и достойное внимания.

⁷ В лѣто 6477. *Рече Святославъ къ матери своей и къ бояромъ своимъ: «Нелюбо ми есть в Киевѣ жити, хоцю жити в Переяславци в Дунаи, яко то есть среда земли моей, яко ту вся бласая сходяться: отъ Грѣкъ паволоки, золото, вино, и овоци различьнии, и ис Чеховъ, и изъ Угоръ серебро и комони, изъ Руси же скоро и воскъ, и медъ и челядь».*

Среди качеств, свойственных внутреннему миру человека, достойными упоминания в речах персонажей ПВЛ оказываются положительные свойства: разум (*Володимиръ же видивъ церковь свѢриену, и вшедь в ню помолися Богу, глаголя: «Господи Боже! Призри с небеси и вижь, посѢти винограда своего, и свѢриши, яже насади десница твоя, люди сия новыя, имъже обратилъ еси сердца в разумъ»* (6504), смысл (*Приидоша Болгаре вѢры Бохъмичи, глаголюще яко: «Ты князь еси мудръ и смыслень, и не вѢси закона; да вѢруй въ законъ нашъ и поклонися Бохъмиту»* (6494), сила (*Коцель послаша къ царю Михаилу, глаголюще: «...Оны бо ны инако учать, а друзи инако; тѢмъже не разумѢмъ книжнаго разума, ни силы ихъ»*), что, по мнению Коцела, плохо), душа (...*Василко же узвыси хрестъ, глаголя яко: «Сего еси ѱѢловаль, се яко взялъ еси зракъ у мене очю моею, а се нынѢ отъяти хоцещи душу мою»* (6605) – душа обладает ценностью, и расставаться с ней нельзя). Однако эти изначально благие стороны внутренней жизни человека могут использоваться неправильно, и тогда возникает *Каинов смысл* Святополка, а *мудрость* Соломона не спасает его от гибели: *Соломонъ мудръ же бѢ, а наконѢць погиге* (6488).

Особо следует сказать о *мысли*. Чаще всего это слово называет положительно оцениваемое намерение совершить благое дело (*На прѢидущее лѢто вложи Богъ мысль добру в Русьскии князи, умыслиша дерзнути на ПоловѢѢ, поити в землю ихъ, еже и бысть* (6610); *Вложи Богъ ву сердце Русьскимъ княземъ мысль блгу, Святополку, Володимеру, и снятася думати на ДолобскѢ* (6611). Мысли противопоставляется *помысел* – порождение бесовское (*Но се есть бѢсовское учеше; бѢси бо не вѢдаютъ мысли чловѢческыя, но влагають помысль въ чловѢка* (6579). Помыслы не свойственны доброму человеку, поэтому их возникновение – результат воздействия внешней враждебной силы, которая стремится выдать свой *помысел* за *мысль*: так поступают бесы (*Федосий рече: «...БѢси бо», – рече, – «всѢвають черноризцемъ похотѢния лукава, вжагающа ему помыслы, тѢмъже врежаеми бывають имъ молитвы; да приходящая таковыя мыслы възбраняти и знаменемъ крестнымъ»* (6582), так поступает Блуд, обманывающий Владимира (*И посла Блудъ къ Володимеру, глаголя: «Яко събыся мысль твоя, яко приведу Ярополка к тебѢ, и пристрой убити и»* (6488) – на самом деле это *помысел* самого Блуда, навязанный им князю). Таким образом, категории внутренней жизни человека оказываются помещенными в оценочную систему координат.

***

Существительные, называющие явления, связанные с естественным языком, можно разделить на две группы:

1. В значениях слов *язык, слово, грамота, книга, (книжный) разум* сама по себе оценка не содержится, но отношению к референтам этих лексем автор ПВЛ и его герои неизменно проявляют заинтересованность. При анализе различных фрагментов ПВЛ, связанных как с прямой речью, персонажей, так и с речевым строем, принадлежащим летописцу, выявилось следующее представление о позиции составителя ПВЛ.

Язык является родовым словом для обозначения *народа*, и по названию народа именуется тот *язык*, на котором он говорит (*ТѢмъже СловѢнску языку учитель есть Павелъ, отъ негоже языка и мы есме Русь: тѢмъже и намъ Руси учитель есть Павелъ апостоль, понеже училъ есть языкъ СловѢнскъ, и поставилъ есть епископа и намѢтника по себѢ Андроника СловѢнску языку А СловѢнскъ языкъ и Рускый одинъ; отъ Варягъ бо прозвашася Русью, а нѢрвѢе бѢша СловѢне; аще и Поляне звахуся, но СловѢнская рѢчь бѢ. Полянами же прозвашася, занеже в полѢ сѢдяху; языкъ СловѢнскый бѢ имъ единѢ* (6406). Особый строй, отличающий один язык от других, называется *грамотой* (*И тако разидеся Словенскъ языкъ, тѢмъже и прозвашася Словенская грамота; Симв нѢрвѢ положены книга МоравѢ, яже и прозвася грамота Словенская, яже грамота есть в Руси и в Болгарехъ Дунайскихъ* (6406). Незнание чужого языка приводит к непониманию (*Симв же раздаянымъ на учение книжное, и сбытсся пророчество на Руской землѢ, глаголющее: въ оны дни услышать глушии словеса книжная, ясьнъ будетъ языкъ гугнивыхъ* (6495) – в норме *языкъ гугнивыхъ*, то есть чужой язык, непонятен), поэтому необходимо переводить с одного языка на другой (*Сима же пришедъшима, начаста съставяти писмена азбуковная Словенскы, и преложиста Апостоль и Еуангелие, и ради быша СловѢнѢ, яко слышаша величья Божия своимъ языкомъ*). Языки отличаются друг от друга, однако они равноправны (*Коцель послаша къ царю Михаилу, глаголюще: «Земля наша крещена, и нѢсть в насъ учитель, иже бы насъ училъ и казалъ, и протолковалъ святыя книги; не разумѢмъ бо ни ГрѢчьскому языку, ни Латиньскому; оны бо ны инако учать, а друзи инако; тѢмъже не разумѢмъ книжнаго разума, ни силы ихъ; а послете ны учителя, иже могутъ ны сказати книжная словеса и разумъ ихъ»* (6406), их оценка зависит от того, о чем говорится (*НѢции же начаша хулити Словенскыя книги, глаголюще яко: «Не достоинъ ни которому же языку имѢти азбуковъ своихъ, развѢ Евреи, и ГрѢкъ, и Латины, по Пилатову писанию, еже на крестѢ Господни написа». Се же услышавъ папезъ Римьскый, похули тѢхъ, иже ропыють на книги СловѢнскыя, рья: «Да ся исполнитъ книжное слово, яко всъхвалять Бога вси язици; другое же: вси възглаголютъ языки различными величья Божия, яко же дастъ имъ Святый Духъ отвѢцевати; да аще кто хулитъ Словенскую грамоту, да будутъ отлучени отъ церкви, дондеже исправятся; ти бо суть волци, а не овцѢ, яже достоинъ отъ плодъ позвати я, и хранитися ихъ. Вы же, чада Божия, послушайте учения и не отринете наказания церковнаго, якоже вы наказалъ Мефедий учитель вашъ»* (6406).

На практике язык используется в виде *слова* – речи, обладающей *разумом* – определенным смыслом, постигаемым собеседником (*Велика бо полза бываетъ чловѢку отъ учения книжнаго; и книгами бо*

кажем и учим, еси пути покаяню, и мудрость бо обрѣтаем и вздержание отъ словесъ книжныхъ; се бо суть реки напаяюци вселеную всю, се суть исходяща мудрости (6545). Именно слово-речь должно подвергаться оценке: оно может быть исполненным божественной истины (Амосъ же пророкъ рече: «Слышите слово Господне: «Азъ приемлю на вы плачь» (6494); Рече бо Соломонъ: «Дѣлатель нечестивыхъ далече отъ разума; понеже звахъ вы, и не послушасте, и прострохъ словеса, и не разумѣсте, но отмѣтасте моя свѣты и моихъ же обличений не внимаесте» (6463) или быть лживым (Давидъ же имъ вѣры лживымъ словесемъ, нача молвити на Василка, глаголя сице: «Кто есть убилъ брата твоего Ярополка? А нынѣ мыслить на тя и на мя, и сложился есть с Володимиромъ; да промышляй си о своей головѣ» (6605); Олегъ же усприемъ смыслъ буй и словеса величава, рече сице: «Нѣсть лѣпо судити мене епископомъ и чернцемъ, или смердомъ» (6604). Человеческая речь оказывается действительной: слово может управлять действиями других (По пѣрвому слову да умиримся с вами, Грѣкы (6420); И да запретитъ князь словомъ своимъ, и приходящи Руси сде, да не творять бецинья в селѣхъ, ни въ странѣ нашей (6453). В истинном слове содержится предопределение будущего (И аще кому речаше, любо добро, любо зло, сбываешеться старцево слово (6582). Наоборот, лживое слово искажает действительность, нарушает нормы мироустройства (На покаяние придемъ, не въздающе зла на зло, и ни клеветы за клевету, но любовию прилѣпимся Господѣ Бозѣ нашемъ, постомъ и рыданиемъ, слезами омывающе вся прегрѣшения, не словомъ, нарѣчающеся крестъяни, а поганьски живуще (6576). Истинное слово содержится в книгах, поэтому крайне важно и полезно книжное учение (Книгамъ бо есть неищетная глубина, сими бо еси в печали утѣшаемы еси, си суть узда въздержаню. <...> Аще пощещи въ книгахъ мудрости и прилежно, то обрящещи великую ползу души своей; иже и часто кто чтеть книги, то бесѣдуетъ с Богомъ или святыми мужьями; почитая пророчьскыя бесѣды, еуангельская учения и апостольская, и житья святыхъ отецъ, и въсприемлетъ душа ползу велику (6545).

Отношение к книге является для летописца мерилом, позволяющим оценить того или иного персонажа. В нарративных частях ПВЛ, подводящих итог деятельности героя летописи, положительное отношение к книге восхваляется, попадая в ряд других положительных качеств героя; притом касается это как мирских (И бѣ Ярославъ любя церковныя уставы, и попы любяше повелику, излиха же бѣ любаче черноризьци, и книгамъ прилежа, почитая часто в день и въ ноци; и собра писцѣ многы, и прѣкладаше отъ Грѣкы на Словенскый языкъ и писмя, и списаша многы книги, и сниська, имиже поучаються вѣрнии людье, и наслажаються учения божественаго гласа (6545), так и церковных (Бысть же Иоанъ си мужъ хитръ книгамъ и учению, милостивъ убогимъ и вдовицамъ, ласкавъ же всякому, к богату и къ убогу, смиренъ же умомъ и кротокъ, и молчаливъ, рѣчистъ же, книгами святыми утѣшая печальныя, и сяковаго не бысть така прежде в Руси, ни по нѣмъ не будетъ такий (6597)) персонажей.

2. В значениях ряда слов содержится оценка, состоящая в том, что летописец или его герой определяет иллюкативную функцию произносимого высказывания; так, чужое слово может быть определено как наказание, то есть наставление (И се слышавъ Глѣбъ <...> и нача молитися со слезами, глаголя: «...Кде суть словеса твоя, яже глаголаше ко мнѣ, брате мой любимый? Нынѣ уже не услышу тихаго твоего наказания» (6523), мольба (И рече Олегъ к Борисовѣ: «Не ходивѣ противу, не можевѣ стати противу четьремъ княземъ; но пошливѣ с молбою къ строема своимъ» (6586), укор, т.е. оскорбление (И рече Болеславъ: «Аще вы сего укора не жалъ, азъ единъ погибну» (6526), проречение, т.е. пророчество (Се сбыветься прорѣченье блаженнаго отца нашего Федосья, добраго пастуха, иже пасяше словесныя овца неліцемѣрно, с кротостью и с рассмотрениемъ, блюда ихъ, и бдя за не, и моляся за порученое ему стадо (6599) и др. В способности распознавать чужое коммуникативное намерение и давать ему определение проявляется уровень лингвистической компетенции древнерусского человека, знания которого о структуре коммуникативного события, судя по научным данным, оказываются схожими с представлениями об этом современного человека.

***

Оценочным становится употребление существительных в тех случаях, когда их референтами оказываются объекты, которые – если следовать коммуникативным постулатам? – должны были быть названы иначе. Так, воевода Святополка не должен был называть новгородцев *плотниками*, а их князя Ярослава – *хромцом*: эти номинации показали новгородцам оскорбительными, и наутро они перешли Днепр и одолели сторонников Святополка⁸.

Намеренно неверное употребление слова может указать на то, как говорящий оценивает явление, называемое этим словом при правильном употреблении. Так, мстящая древлянам княгиня Ольга на словах собирается оказать им *честь* (И заутра Ольга, сѣдящи в теремѣ, посла по гости, и приидоша к нимъ глаголюще: «Зоветь вы Ольга на *честь велику*» (6453), однако гости ее оказываются обманутыми в своих ожиданиях – их ждет не *честь*, а *смерть*: и прикиши Олга, и рече имъ: «Добѣра ли вы *честь*? Они же ркоша: «Пуще ны Игоревы смѣрти». То, что древляне вспомнили о смерти Игоря, указывает на то, что они

⁸ И воевода нача Святополчъ, яздя възлѣ бѣрегъ, укарати Новгородци, глаголя: «Что приидете с хромьцемъ симъ, а вы плотници суче? А приставимъ вы хоромъ рубить нашихъ». Се слышавше Новгородци, и рѣша Ярославу яко: «Заутра перевеземъся на нихъ; аще кто не поидеть с нами, то сами потнемъ» (6524).

поняли злую иронию Ольги, поняли ее жестокую языковую игру. Нам же становится понятным, что в норме *честь* в сознании древнерусского человека оценивается как явление положительное.

На оценочное отношение к явлению может указывать устойчивый контекст употребления слова. Так, слово *блуд* упоминается только в тех случаях, когда перечисляются несправедливые поступки персонажа или сам по себе персонаж оценивается негативно (Владимир-язычник *бѣ несѣтъ блуда* (6488); *Болгаре вѣры Бохъмичи призывают по смерти съ женами похоть творити блудную*, уверяют, что *здѣ же достоинъ блудъ творити всякъи* (6494). Всегда положительно оценивается *труд* (как светских, так и духовных лиц), по мнению говорящих, достойный награды и должный восприниматься как образец поведения (Феодосий наставляет братию такими словами: «...*постомъ явишася отци наши акы свѣтила в мирѣ, и сияють и по смерти, показавше труды великыя и въздържания, яко се и великий Антоний, и Евъфимий, и Сава и прочии отци, ихъже и мы поревнуемъ, братье*» (6582); братия скорбит о кончине Феодосия, произнося такие слова: «*Отче! Моли за ны Господа; вѣмы бо, яко Богъ труда твоего не презрѣ*» (6582).

Слово *обида* называет действие, приводящее к негативным последствиям для того, кого обижают. При этом обижаемыми в летописи оказываются положительно оцениваемые персонажи, а потому подразумевается, что они терпят *обиды* несправедливые, а действия, способные привести к негативным для этих персонажей последствиям, нужно воспринимать именно как *обиды* (*Рече ему Феодосий: «Се отхожю свѣта сего, и се предаю ти манастирь на облюдение, егда будетъ что смятение в немъ; се поручаю Стефану игуменство, не давай его въ обиду*» (6582)). Поэтому поиск обидчика выглядит оправданным только в том случае, если персонаж мыслится как положительный. Так, несмотря на претензии Давыда Игоревича, который в одних ситуациях утверждает, что его обижают, а в других пытается опровергнуть утверждение, что сам является обидчиком, Владимир с легкостью обличает его. Давыд Игоревич не находит достойного ответа и в скором времени терпит наказание от братьев за то, что он *вверг* в них *нож* предательства (*Прииде к нимъ Давыдъ Игоревичъ, и рече имъ: «Начто мя есте привабили? Осе есмь; кому до мене обида?» И отвѣща к нему Володимиръ: «Ты еси прислалъ к намъ, рѣка: хоцю, братье, пришти къ вамъ и пожаловати своее обиды; да се еси пришесть и сѣдиши съ своею братьею на единомъ коврѣ: и чему не жалуеши, до кого ти обида?» И не отвѣща ему ничтоже Давыдъ* (6608)).

Оценка может проявляться и в том, как соотносятся называемые предметы. Так, в пророчестве апостола Андрея⁹ акцент делается на том, что в грядущем городе *на горах* будут *церкви многы*: это святое место, и величие города измеряется степенью его святости. Неупоминание церковей лишило бы пророчество смысла: зачем апостолу рассказывать о городе, ничем не отличающемся от многих других? В то же время это пророчество привлекает внимание летописца утверждением изначальной святости матери городов русских; если бы этого не было, изречение апостола не было бы включено в текст.

Одним из наиболее интересных случаев оценочного употребления предметных существительных является фрагмент летописи, повествующий об искушении Исакия:

В лѣто 6582. ...и поидоста двѣ уноши к нему прекрасна, и блистася лице има яко и солнце, и глаголаста к нему: «Исакъе! Вѣ есѣв ангела, а се идетъ к тобѣ Христосъ съ ангелы». И вставъ Исакий видѣ толпу, и лица ихъ паче солнца, и еднѣ посредѣ ихъ, и съяху отъ лица его паче всихъ; и глаголаста ему: «Исакъе! То ти Христосъ; падъ поклонися ему». Онъ же не разумѣ бѣсовскаго дѣйства, ни памяти перекреститися; выступя поклонися, акы Христу, бѣсовскому дѣйству. Бѣси же кликнуша и рекоша: «Нашъ еси уже, Исакъе». И введоша и в кѣльицу, и посадиша и, и начаша садитися около его, и бысть полна келья и улица Печерская. И рече единъ отъ бѣсовъ, глаголемый Христосъ: «Возмите сопѣли, и бубны, и гусли, и ударяйте ать ны Исакъе съпляшетъ». И удариша в сопѣли, и въ гусли, и въ бубны, и начаша имъ играти. И утомивше и, оставиша елѣ жива суци, и отъидоша, поругавшеся ему.

В этом отрывке один и тот же референт называется разными именами:

Сначала летописец именует явившихся Исакию *прекрасными юношами*, которые величают себя *ангелами*. Конечно, автор знает, что они не ангелы, но ему необходимо передать драматизм ситуации: читатели так же, как и Исакий, оказываются введенными в заблуждение. Характерно, что летописец использует здесь две номинации: первая из них – *двѣ уноши прекрасна* – характеризует внешний облик, а вторая – *вѣ есѣв ангела* – сущность референта. И получается, что автор не обманывает читателя: сам он назвал тот признак, который действительно был свойственен явившимся к Исакию, а вот ложь вложил в уста негативно оцениваемых персонажей.

Затем Исакий видит *толпу, и лица ихъ паче солнца*; ему говорят, что один из них *Христосъ*, и призывают поклониться этому *Христу*. И в тот момент, когда Исакий совершает ошибку, летописец разоблачает *бесовское действо*, лишая самозванцев имен, несправедливо присвоенных ими себе (Исакий *выступя поклонися, акы Христу*, т.е. поклонился не Христу), и наделяя их именем правильным (*бѣси же кликнуша и рекоша*). Чуть позже автор еще раз разоблачает лже-Христа (*единъ отъ бѣсовъ, глаголемый Христосъ*), подчеркивая, что его *называли* Христом. Это уточнение рождает импликацию: читатель понимает, что беса только называли Христом, но Христом он не являлся.

⁹ *И заутра вставъ, рече к суцимъ с нимъ ученикомъ: «Видите горы сия? Яко на сихъ горахъ въсияетъ благодать Божия, иматъ и городъ великъ быти, и церкви многы иматъ Богъ въздвигнути». И вшедеъ на горы сия, и благослови я, и постави крестъ, и помолився Богу, и слѣзе съ горы сея, а идеже послѣже бысть Киевъ, и поиде по Днѣпру горѣ.*

Таким образом, изменение номинации позволяет автору оценить своих персонажей и привести читателя к выводу: не все, что кажется прекрасным, является таковым на самом деле, и за ангельским обликом может скрываться бес.

Через систему противопоставлений существительных различных лексико-грамматических разрядов, контекстных употреблений имен, вступающих в отношения оппозиции различных наименований одного и того же референта выявляется оценочная позиция летописца, имплицитно представленная в тексте ПВЛ.

Для создателя ПВЛ крайне важен поиск правильного слова, которое точно выразит суть описываемого явления. В этом бережном, образцовом отношении к слову и содержится залог величия этого древнерусского памятника, его непреходящего значения для постижения языка и мира Древней Руси.